

Алессандро Пиперно
**Ошибка Лео
Понтекорво**

Alessandro Piperno

Persecuzione

Il fuoco amico
dei ricordi

Алессандро Пиперно
**Ошибка Лео
Понтекорво**

Роман

Перевод с итальянского
Светланы Сидневой

Иллюстрации
Вертера Дель' Эдера

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.131.1-3
ББК 84(4Ита)-44
П32

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Фото на обложке © FOTOSA.RU/CORBIS/TRANSTOCK/JOHN EARLY

Пиперно, Алессандро

П32 Ошибка Лео Понтекорво : роман / АЛЕССАНДРО ПИПЕРНО; пер. с итальянского С. Сидневой. — Москва : АСТ: CORPUS, 2013. — 432 с.

ISBN 978-5-17-077989-5 (ООО “Издательство АСТ”)

Летний вечер. Роскошная вилла в предместьях Рима. Лео Понтекорво, его жена Рахиль и двое их сыновей садятся ужинать. Еще несколько мгновений, и чудовищные обвинения в адрес respectable главы семейства, которые произносит с экрана ведущий вечерних новостей, изменят их жизнь навсегда.

Выдающийся детский онколог, любимый студентами профессор, муж и отец, обожаемый своими близкими, не знавшими нужды ни в чем и никогда... Казалось бы, ничто не может помешать уверенному благополучию Лео Понтекорво.

Дорого ли пришлось ему заплатить за это счастье?

УДК 821.131.1-3
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-077989-5 (ООО “Издательство АСТ”)

- © 2010 Arnoldo Mondadori Editore S.p.A., Milano
 - © С. Сиднева, перевод на русский язык, 2013
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
 - © ООО “Издательство АСТ”, 2013
- Издательство CORPUS ®

Содержание

Часть первая

11

Часть вторая

101

Часть третья

195

Часть четвертая

311

Посвящается Симоне

Безмолвствуешь от стыда или от изумления?

БОЭЦИЙ

Утешение философией

Часть первая

Это произошло 13 июля 1986 года: внезапно Лео Понтекорво овладело желание никогда не появляться на свет.

Минуту назад Филиппо, его старшенький, принялся ныть, как это свойственно детям, требуя добавки жареной картошки, поскольку мать проявила неслыханную щедрость по отношению к младшему брату, когда раскладывала еду по тарелкам. Затем начались восьмичасовые новости. Ведущий перед всей нацией обвинял вышеназванного Лео Понтекорво в том, что тот обменивался непристойными письмами с девушкой своего тринадцатилетнего сына. Иначе говоря, Самуэля, который никак не мог доесть свое хрустящее золотистое сокровище. Мальчишка еще не успел разобраться, что принесет ему эта неожиданно свалившаяся на голову известность на телевидении. Дело закончится только сплетнями приятелей? Или он по уши вляпался в дерьмо, попал в самое скверное положение, которое только мог себе представить подросток его избалованного и вялого поколения?

Не стоило обольщаться, что нежный возраст помешал Самуэлю понять — хотя бы на уровне интуиции — то, что было ясно всем остальным: некто по телику намекнул, что его отец трахнул его девушку. Говоря “девушка”, я имею в виду малышку двенадцати с половиной лет с волосами цвета тыквы и куньей мордашкой, усыпанной веснушками. Говоря “трахнул”, я имею в виду “трахнул”. То есть нечто чудовищное, гнусное, слишком жестокое, чтобы с этим

смириться. Даже жена и двое детей вот уже некоторое время задаются вопросом — неужели речь идет о том самом муже, отце, безупречном гражданине, которым они так гордились? Выражение “уже некоторое время” намекает на первые судебные осложнения, наложившие позорное пятно подозрений на образцовую карьеру одного из самых успешных специалистов в области детской онкологии. Именно о таком заведующем отделением старая медсестра скажет молоденькой коллеге, недавно принятой на работу, что-то вроде: “Настоящий джентльмен! Никогда не забывает сказать “спасибо”, “пожалуйста”, “будьте любезны”! Да и вообще отличный человек!” Кроме того, в душном приемном покое больницы Санта-Кристины, где матери больных детей высиживали очереди, обмениваясь леденящими душу подробностями того кошмара, в который превратилось детство их малышей, нередко можно было услышать такие диалоги:

— Он такой отзывчивый. Ты можешь позвонить ему в любое время суток. Даже ночью...

— Он очень поддерживает. Всегда улыбчивый, позитивный.

— К тому же он знает подход к детям.

Телефон трезвонил совсем невыносимо. Лео, уже в полубморочном состоянии, почувствовал, что это его последний обед с семейством. Он также представил тысячу других вещей, которых лишился, и, чтобы не поддаваться панике, не расчувствоваться и не расплакаться, как младенец, прямо перед женой и сыновьями, он призвал на помощь всю свою ненависть и ярость.

В конце концов, это была ее вина! Эта девчонка, которую его сын около года назад привел в дом и которую они с Рахилью, самые доброжелательные и сдержанные супруги в их кругу, приняли без лишних разговоров, ухитрилась ис-

портить жизнь ему и трем людям, которых он больше всего любил.

И что, все закончится вот так? — продолжал размышлять Лео, и навязчивое желание никогда не родиться на свет все больше овладевало им. Неправильный вопрос, дружище. Какой смысл говорить о конце, когда все только начинается?

Все это произошло в самый подходящий момент. В этот час Ольджата, богатый жилой район, окруженный несколькими гектарами леса и огражденный массивными стенами, усеянный виллами и цветущими круглый год садами, вымирал. Как пляж на закате.

В такой момент ты чувствуешь себя как в луна-парке сразу после закрытия. Повсюду следы истраченной спортивной энергии: кожаный мяч “Адидас”, запутавшийся в изгороди, перевернутый скейтборд на выложенной камнем дорожке, пластиковая оранжевая доска, покачивающаяся на маслянистой и блестящей воде бассейна, пара ракеток, поливаемая водой из внезапно заработавшего автоматического оросителя.

Конечно, ты еще можешь наткнуться на фаната пробежек в плюшевых штанишках и с полотенцем на плечах а-ля Роки Бальбоа или запыхавшегося молодого папашу, возвращающегося из супермаркета с упаковкой подгузников в одной руке и презервативов — в другой.

Но все остальные в этот час вечерней сиесты уже попрятались по своим домам, точнее — виллам, выстроенным в несовместимом друг с другом и эклектичном стиле. Некоторые из этих построек были достаточно строгими и сдержанными, другие, напротив, вульгарны (мексиканский стиль в последнее время практически искоренил моду

на альпийские шале). Снаружи такие дома скорее напоминали деревенские таверны. Там все было как надо: камин, плинтус, тронутый зеленоватой плесенью, вязанные крючком салфеточки, стопки иллюстрированных журналов, кленовые коробочки, наполненные листьями лаванды, бильярдный стол, накрытый сукном, как труп в морге, пузатый телевизор, от которого тянулись щупальца спутанных проводов видеоманитофона и панели управления. Можно было почувствовать псевдодеревенский запах деревянных поленец, сосновых шишек, пачек газет, пожелтевших не менее, чем мячики для игры в пинг-понг, которые осторожно спрятались в тень и застыли, как детективы, выслеживающие преступника.

Это длилось не более мгновения. Мгновения невероятного спокойствия. Мгновения, когда семейная идиллия, ежедневно отмечаемая в этом районе, на тридцать километров отстоящем от центра Рима, достигала своего апогея. Поистине волнующего момента, после которого все снова приходило в движение и разрушалось.

Еще несколько минут, и обитатели Ольджаты, брошенные филиппинскими служанками, ушедшими на свой законный выходной в воскресенье, заполняют улицы своей бьющей через край жизненной энергией и оккупируют своими чистенькими машинками все парковки перед пиццериями. Несмотря на ощущение сытости, которое давал навязчивый запах жареного мяса, царивший в воздухе, все намеревались закончить этот прекрасный денек, набив брюхо брускеттой аль помодоро и клубникой со сливками. Но пока все еще сидели по домам. Маленькие дети ссорились с мамой, потому что не хотели идти в ванную, детей постарше, напротив, невозможно было оттуда вытащить. Что касается родителей, один в пляжных шортах и футболке,

заложив ногу за ногу, отдыхал у бассейна с бокалом шардонне. Другой трепал за ухо любимого лабрадора. Кто-то никак не мог расстаться со своей партией в канасту¹. Кто-то готовил закуски из оливок и колбасок для гостей. Кто-то собирал чемоданы в дальние путешествия. Кто-то готовил наряды на следующий день...

Все было predetermined, а воздух пропитан романтическим ожиданием. И было бы поистине обидно не насладиться сполна медным и теплым светом этого неповторимого мгновения, которое случайно совпало с появлением на телеэкранах, повсюду настроенных на один и тот же канал (в то время телевидение не отличалось большим разнообразием), фотографии Лео: нечеткой и неудачной. Она всплыла над правым плечом расфуфыренного ведущего теленовостей.

Эта фотография совсем не передавала облика нашего героя. Никто из зрителей, хорошо знакомых с профессором Понтекорво, не отождествил бы ее с оригиналом. Что-то среднее между фотографией в паспорте и опознавательной фотографией человека, находящегося под следствием. Лео выглядел на ней пожелтевшим и изнуренным. Ничего общего с сорокавосьмилетним мужчиной, который вступил в тот счастливый возраст, когда мужская природа обретает совершенное, хотя и хрупкое равновесие между энергией молодости и обретенной мужественностью. Несмотря на почти полвека напряженной работы, из-за которой позвоночник этого прекрасного господина весом девяносто килограммов немного искривился, его осанка была еще достаточно прямой и придавала фигуре Лео уверенность и солидность.

1 Канаста — род карточной игры (*прим. перев.*).

За пределами Италии его красоту называли бы “итальянской”. В Италии же подобные лица называют “южными” или “восточными”. Вьющиеся волосы идеально подошли бы для исполнителя роли Моисея; кожа оливкового цвета от солнца сразу же покрывалась загаром; глаза с продолговатым разрезом, украшенные зелеными жеманными жемчужинами; крупные уши и нос (этим он был обязан своей горячей иудейской крови), и губы — в них-то и заключался весь секрет — пухлые, чувственные, ироничные.

Фотография несколько не передавала всю эту красоту. (И я достаточно хорошо знал Лео Понтекорво, чтобы утверждать, что такое появление на телевидении было огромным ударом по его самолюбию.)

Тем не менее в этой нечеткости был определенный смысл. В ней крылась угроза. Внезапный переход к агрессии, жертвой которой Лео был вот уже несколько недель подряд. Это стало сигналом чего-то более определенного и заставляющего сильно волноваться: в этот раз Лео Понтекорво не мог и не должен был поддаваться иллюзии; следовало оставить всякую надежду и не ждать никаких поблажек. За ним должны прийти прямо сюда, возможно, сегодня же вечером. В середине этого прекрасного и жестокого лета. Вот каков смысл этой фотографии. Вот чем грозило ему это изображение, внезапно появившееся на телеэкране. Его насильно лишат семейного тепла, выкурят из уютного домашнего гнездышка, как мышь из норки. Его бросят на съедение возмущенной публике именно таким, каков он сейчас: босым, в бермудах цвета хаки и потертой голубой рубашке, неуклюже взгромоздившегося на табурет в элегантной кухне, выходящей окнами в сад, который, как и все снаружи, бла-

женно наслаждался последними карамельными отблесками уходящего дня.

Нет, они не постесняются вторгнуться в его дом, который Лео в свое время создал в цветущем чреве Ольджаты по образу и подобию человека, каким он сам хотел бы казаться: сдержанный, современный, эклектичный, ироничный и прежде всего прозрачный. Дом, достойный модного стилиста, а не просто светила медицины, дом, массивные витражи которого и днем и тем более вечером, когда зажигался свет, позволяли обозревать устроенную жизнь, протекавшую за ними: нескромность, которую Рахиль, женщина не настолько светская, чтобы жить на витрине, всячески старалась нейтрализовать с помощью больших штор. Развешивание этих штор в начале осени всякий раз становилось поводом для классических супружеских перепалок.

Впрочем, когда Лео решил переехать туда, в это жилище, уже тогда он столкнулся с более существенными претензиями, чем требование повесить шторы от его в ту пору молодой, а сейчас, по крайней мере, преданной супруги.

“Если ты хоть бы раз заглянула в тот дом вместе со мной, ты бы поняла, что он дает ощущение уверенности, защиты”.

Те же слова он говорил лет двадцать назад до этого судьбоносного вечера своей матери, озвучивая ей свое намерение продать квартиру в центре, которую та щедро, если не легкомысленно завещала ему, и купить участок в Ольджате, чтобы построить там “подходящий для нас” дом.

“И от чего именно вы собираетесь защищаться?”

Лео почувствовал в голосе матери нотки раздражения, растущее неприятие этой женщины рядом со своим

*bekhor*¹ — первым и единственным сыном, который, взрослея, становился все более беспомощным.

“Подозреваю, что это идея твоей жены? — Ее раздражение росло. — Уж не она ли убедила тебя переселиться в глушь? Очередная ее уловка, чтобы только держать тебя на безопасном расстоянии от меня? Она всегда испытывала на прочность мое терпение, ей наплевать на мои деньги и чувства”.

“Да ладно, мама! Это моя идея! Оставь Рахиль в покое!”

“Только тогда, когда ты мне объяснишь, что за имя такое — Рахиль! Можно подумать, что она только сошла со страниц Библии...”

Как такое может быть?! Человек, справлявшийся с самыми сложными задачами, идеально подходивший для одной из самых престижных должностей в больнице, человек, в профессиональный долг которого входило сообщать измученным и отчаявшимся родителям, что их детки безнадежно больны, внушавший робость своим сокурсникам-одногодкам, которые видели в нем законного наследника академических владений всемогущего профессора Мейера, — вот этот человек не смел перечить матери-старушке за шестьдесят?!

Конечно, если бы ему это удавалось, у него не было бы и необходимости заявлять ей о своих намерениях переселиться. С другой стороны, если квартира в центре принадлежит ему — матушка ведь сама переписала ее на его имя, — к чему тянуть волюнку? Почему не продать ее, и все тут? Почему он должен, как маленький мальчик, спрашивать ее разрешения? И почему, прекрасно зная, что ему не удастся добиться ее разрешения, он так злится?

1 Первенец (*иврит*).

Эта женщина умела вывести Лео из себя. У нее был настоящий талант, она знала, как загнать его в угол, заставить почувствовать капризным сынком, каким он, в сущности, не был. Это все ее харизма. Ее упрямство. Ее способность вмешиваться во все. Непокколебимое убеждение матроны, что она всегда и во всем права. Убеждение, приправленное сарказмом, который в последнее время — с тех пор, как сын сообщил ей, что Рахиль Спицкино вскоре станет ее невесткой, — сделался особенно невыносимым и изощренным.

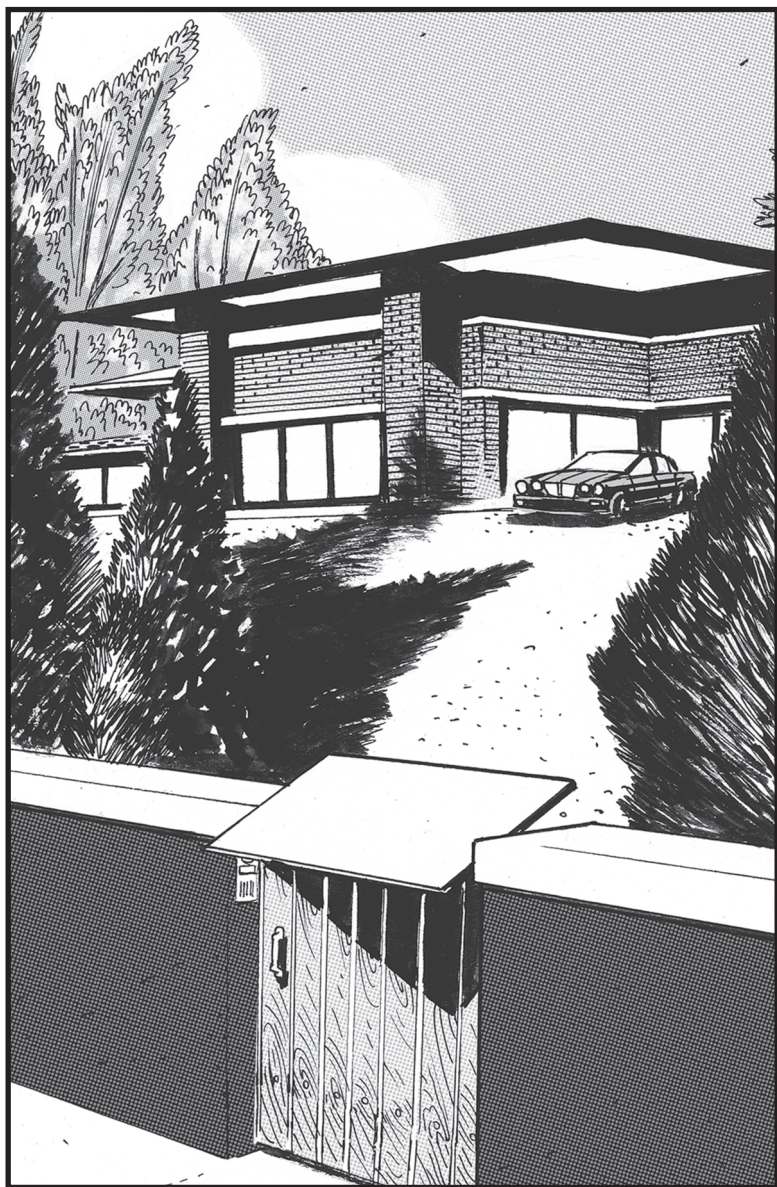
Именно поэтому он ухватился за идею надежности и безопасности.

Когда мать терзала его расспросами, почему ему взбрело в голову “переселиться в глушь”, Лео начинал бормотать что-то высокопарное об опасных временах, в которых они живут, о нестабильной политической обстановке, о давней мечте жить на природе, среди зелени, так как он и его молодая жена уже чувствуют ответственность по отношению к будущим детям, о том, что их беспокойство о будущем потомстве утихло после посещения того замечательного района с пропускным пунктом, охраной, высокими ограждениями, зелеными лужайками и спортивными площадками, — в общем, всем, что гарантирует полную безопасность.

“Если тебе нужны вооруженные люди и высокие заграждения, поезжай жить в Израиль, как твоя взбалмошная кузина!”

“Это настоящий рай на земле, мама!” — не сдавался Лео, делая вид, что не услышал ее последнюю реплику.

И чем больше Лео говорил, тем больше сбивался, и чем больше сбивался, тем явственней на лице его матери проступало выражение презрительной насмешки, нетерпения и разочарования. Выражение высокомерного недоверия, в котором четко читалось следующее:

В МИРЕ НЕТ ТАКОГО МЕСТА, КОТОРОЕ МОГЛО БЫ ОБЕСПЕЧИТЬ БЕЗОПАСНОСТЬ ТЕБЕ ИЛИ КОМУ-ЛИБО ДРУГОМУ!

И если бы Лео — пока журналист из теленовостей, сбросив свою грязную бомбу на чистенькую кухню дома Понтекорво, продолжал рассказывать о пожарах, уничтожающих средиземноморские заросли на Сардинии, — догадался вспомнить тот двадцатилетней давности диалог с матерью, возможно, он хоть и с опозданием, но оценил бы молчаливый и не подлежащий обжалованию способ, при помощи которого эта женщина — которой уже давно нет среди нас — пыталась предупредить сына. Только сейчас, когда земля уходила из-под ног, Лео был в состоянии понять, насколько права была его мать: не существует на белом свете уголка, где человек, это спесивое и смешное существо, чувствовал бы себя в безопасности.

Между тем телефон не переставая трезвонил. Там, снаружи, толпа народа жаждала поговорить с семейством Понтекорво о том, что с ними случилось. Странно, учитывая, что единственное, что объединяло всех здесь внутри, было желание прекратить всякое общение с внешним миром, навечно. Но почему, как только кто-то стремится уединиться в просторном, светлом доме с большими окнами, за забором, который ограничивает владение Понтекорво, за стеной, окружающей район, остальной мир начинает беситься?

На самом деле есть только одна штука, вызывающая столь живой интерес, — это жизнь самих Понтекорво. С тех пор как больничное отделение, основанное Лео, было вовлечено в скандал, связанный со взятками, раздутыми счетами,

проданными койко-местами, пациентами (все несовершеннолетние, одной ногой стоящие в могиле), переманенными в частные клиники при помощи обмана и мошенничества, дела шли все хуже, принимая каждый раз все более непредвиденный и опасный оборот. Однажды Лео обвинили в том, что своим продвижением в университете он обязан симпатии, даже любви Беттино Кракси¹. Потом один из его помощников, отчисленный из университета в действительности за халатность, из мелкой мести обвинил Лео в том, что тот одолжил ему деньги под процент. Однако все эти серьезные обвинения, подвергающие опасности его карьерный рост, кажутся простительными по сравнению с последним безобразием. Может быть, потому что нет ничего омерзительнее Лео, который решил поиграть в Сирано де Бержерака с двенадцатилетней девчонкой. Особенно отвратительными кажутся эти идиотские послания, нашпигованные выражениями вроде *моя маленькая, дорогая малышка*, которые обычно используют, обращаясь к своим партнерам-однолеткам, вступившим в связь осознанно, взрослые люди, подходящие по возрасту и сложению адресатам своих писем. Обширные, непрстойные цитаты из этой дерьмовой переписки скоро появятся на первых полосах самых известных газет.

Итак, Лео совершил непростительное, нарушил самое страшное табу. Двенадцатилетняя девчонка, какой кошмар! Возжелать двенадцатилетнюю! Обольстить двенадцатилетнюю подружку собственного сына! И проблема вовсе не в сексе. Ясно, что в наши дни к этому относятся проще: сложно представить, чтобы жизнь пошла к черту из-за какой-то интрижки. Путь к успеху вообще частенько лежит

¹ Беттино Кракси — итальянский политик, премьер-министр Италии в 1983–1987 гг.

через постель. Все дело в возрасте потерявшей девственность жертвы домогательств, и больше ни в чем.

Отныне все твои положительные качества умеренного и цивилизованного человека в свете обвинения, которое тебе так упорно шьют, будут усугублять твою вину, считаться отягощающими обстоятельствами. Все то хорошее, что в тебе есть, теперь будет рассматриваться как каприз извращенца. Там, за пределами этого уютного мирка, никто не станет задаваться вопросом, насколько справедливо обвинение. Более того, все предпочтут поверить в его справедливость. Так уж у нас заведено. Люди предпочитают предполагать худшее, верить во все плохое, что говорится о человеке, особенно если тот до сих пор был любимчиком фортуны. Так сплетня способна уничтожить любого. Капилляры общественного организма раздуваются и лопаются.

И весь остальной мир не волнует, что три близких тебе человека, которые сейчас сидят рядом с тобой на кухне, полуживые, едва ли смогут простить тебя. Тяжелое дыхание Самуэля. Это прерывистое пыхтение немного пугает Лео, как зона турбулентности — пассажира, боящегося летать. Лео думает о том, как же он напакостил этому парню. С завтрашнего дня все только и будут обсуждать, как отец увел у него девушку. После такого трудно оправиться.

Напряжение, которое царило в кухне в эти нескончаемые мгновения, было разбито шипением кофейника, которое возвещало присутствующим, что кофе уже вышел до последней капли и если никто не соизволит погасить огонь, он выльется наружу.

“Мама, почему мы не выключаем плиту? Мам, почему мы ее не выключаем? Может, все-таки выключим, мам?”

Голос Филиппо. Невыносимо плаксивый. Слишком детский для него. Лео хочется только одного: чтобы Рахиль

заставила его молчать. Именно это она и делает, двигаясь как автомат, поднимается со своего места и выключает конфорки. Рахиль. Боже мой! Рахиль. В тот момент он думает именно о ней. Пытается представить, что творится в ее голове. И в этот момент самолет падает.

Лео чувствует, что ненавидит ее всей душой, как никого в своей жизни. Это она во всем виновата: она одновременно здесь и далеко, она ничего не делает и делает все, молчит, дышит, именно она приготовила такой вкусный ужин, включила телевизор, как раз эту программу, следуя своей дурной привычке смотреть новости по десять раз на дню. Она виновата в том, что не встает и не отвечает на телефонный звонок, что родила двух сыновей, присутствие которых сейчас просто невыносимо для него, в том, что она не может заткнуть Филиппо, помочь Самуэлю, впавшему в оцепенение...

Это она внушила детям, что Лео выдающийся человек. Как теперь этому почитаемому божеству признать свою слабость? Как он сможет теперь позволить себе сделать то, что хочет в данный момент — разрыдаться? Как сможет оправдываться, прибегнув к банальным извинениям, скрывшись за нелепым образом жертвы чудовищного недоразумения?

А почему это не может быть недоразумением? Лео уже не знает почему. Сейчас он совсем запутался. Достаточно взглянуть на письма, которые он отослал Камилле (этого он, конечно, не может отрицать), чтобы понять, что дело обстоит как раз наоборот. Нет, дорогой мой, твой папочка не уводил твою девчонку. Это она обольстила твоего папочку.

Достаточно было бы взглянуть и на сами обвинения, чтобы понять, что они не только плод его бесчестности, но также смесь глупости и безответственности. Хотя как раз это Рахиль должна понимать. Она ведь знает легкомыслие мужа. Она всю жизнь на него жаловалась, ино-

гда с нежностью. Но тем не менее ей удалось сделать так, чтобы Филиппо и Самуэль даже не догадывались об этом качестве отца. Видишь? Это ее вина! Во всем виновата Рахиль!

Что сейчас делает Лео? То, что умеет делать лучше всего, — винит других. Сваливает вину на остальных. В сущности, речь идет о том же приеме, выверенном и действенном, который он применял много лет назад, чтобы защититься от нападок матери.

Когда синьора Понтекорво сердилась, маленький Лео в ответ обижался, принимал вызывающий вид. И мать, побежденная шантажом своего медвежонка, уступала. На ее лице расцветала улыбка примирения: “Ладно, любовь моя, ничего страшного. Давай мириться?”

Только тогда наш стратег давал волю великодушию и принимал извинения матери. Лео удалось ввести эту сцену и в обиход супружеской жизни.

Многие задавались вопросом, как человек с таким шармом и происхождением, как Лео Понтекорво, женился на этой еврейке ниоткуда. Ее сдержанность могла бы показаться апатией, а желание быть незаметной — пресностью. Как такой красивый и решительный мужчина с романтической внешностью славянского пианиста (растрепанные волосы и длинные изящные пальцы), доктор медицины, чей белый халат шел ему, как некоторым дирижерам фрак, взял в жены неприметную, но грациозную Рахиль Спицкикино?

Извне их брак казался неравным... их воспоминания (да сами их жизни) звучат на разных языках. Жизнь Лео вяло тянулась в величественной квартире с высокими кессонированными потолками, полной массивной инкрустированной мебелью и бытовой техникой, которую в то время мало кто мог себе позволить.

Что касается Рахили, комнатуха, в которой она прожила свои первые двадцать пять лет, проводя их за учебой, комнатуха с окном, выходящим в узкий переулок старого Гетто, продолжает — хотя четверть века прошло уже с тех пор — испускать (по крайней мере, в ее воспоминаниях) невыносимый запах вареных и пережаренных овощей.

Но все то, что их разделяло когда-то, теперь их объединяет. Потому как именно это и есть секрет удачных браков, счастливых, несмотря ни на что, пар: не переставать восхищаться необычностью своего партнера.

Но кто бы мог подумать, что между этими двумя что-то не так? Что Лео настолько боится мнения своей жены и в то же время зависит от него и практически и психологически? Что между ними существует эмоциональная связь, напоминающая связь с ипохондричной и сверхзаботливой матерью? Никто там, за стенами дома, не мог даже представить, что новая синьора Понтекорво играет в жизни Лео роль, схожую с той, что играла старая синьора Понтекорво (она враждебно относилась к невестке, так, как это умеют только некоторые еврейские свекрови), — особый тип отношений, построенный на шантаже талантливого и капризно хрупкого мальчишки.

Когда Рахиль сердилась на мужа, тот не находил ничего лучше, как рассердиться в ответ, сделать недовольное выражение лица, которое с годами становилось уже смешным. В конце концов Рахиль, утомленная упрямством Лео — а упорствовать он мог до бесконечности, целыми неделями, — могла положить конец ссоре какой-нибудь шуткой, лаской, пустив в ход тонкую дипломатию, предложив ему, например, плитку белого шоколада, который он так любил. Одним словом, жена доказывает силу, проявляя уступчивость, в то время как муж обнаруживает сла-

бость, упорствуя в своей обиде и оставляя ей инициативу (что только ребенок может считать унижительным) примирения.

Эта передача по телевидению была не чем иным, как последним кризисом затяжной и неизлечимой болезни, которая тянулась уже несколько недель. Все началось с тех непрекращающихся обвинений, из-за которых Лео потерял сон, а Рахиль утешала его, как мамочка. Их жизнь определенно начала меняться.

Именно в тот вечер, еще до того, как они включили телевизор, Рахиль положила конец ссоре, начавшейся накануне, когда Флавио и Рита Альбертацци, давние друзья, покинули их дом. Уже не в первый раз такое, *казалось бы*, приятное событие, как ужин с Альбертацци, становился причиной раздора. Но сейчас причина ссоры казалась столь мучительной и оставляла такое ощущение горечи и напряженности, что Рахили было просто необходимо зарыть топор войны быстрее, чем она делала это обычно.

“Я поставила кое-что разогреваться на кухне. Почему ты не идешь есть?” Она обратилась к Лео с этими словами, войдя в его кабинет в полуподвальном помещении, где он провел почти все воскресенье, слушая старые диски Рэя Чарльза. На досуге Лео успел забить свой кабинет-убежище всеми этими дисками. Гордостью коллекции стало собрание пластинок (в том числе самых редких, которые почти невозможно достать) именно Рэя Чарльза, перед которым Лео чувствовал какое-то мистическое благоговение. Только голос Рэя всегда мог успокоить его, когда он чувствовал себя подавленным или когда что-то не ладилось в жизни.

“Не хочется. Я не голоден”, — ответил Лео, сделав почти звук магнитофона.

И тогда эта женоушка, с чувственностью и теплотой, которую едва ли можно было в ней подозревать, нежно обняла его сзади и засмеялась:

“Ну же, Понтекорво, перестань! Хватит с меня двоих детишек, которые, кстати, уже давно за столом!”

В минуты близости она называла его по фамилии, как принято среди одноклассников, или “профессором”, в память о тех временах, когда он был ее университетским преподавателем. Сентиментальный Лео не мог устоять, а особенно перед обращением “медвежонок”, которое когда-то использовала его мать.

Тепло в голосе Рахили означало, что в тот момент ее любовь к нему приняла притворную форму жалости. И кто знает, почему подобное поведение, вместо того чтобы оскорбить его, напротив, сразу действовало на него успокаивающе.

“Я приду, только уложу баиньки старика Рэя и приду”, — сказал он ей, переполненный той нежностью, которая дает возможность простить того, кто только что простил тебя.

Этот обмен репликами произошел минут за сорок пять до часа икс. Ни Рахиль, ни Лео не могли тогда даже представить, что это будет последним перемирием между мужчиной и женщиной, которые за много лет до этого, для того чтобы быть вместе, преодолели сопротивление двух совершенно разных семейств. Монтекки и Капулетти своего поколения!

Да, именно так, потому что Рахиль и Лео преодолели всевозможные препятствия и недоверие всех и вся, чтобы свою мечту о супружестве воплотить в реальность, которая постепенно, с приобретением этого прекрасного дома, ро-

ждением сыновей, его успехами на работе и ее безупречным ведением хозяйства, становилась все более блистательной и образцовой. Они еще не знали, что ссора, которую Рахили только что удалось прекратить, была последней в их истории перебранок и примирений (тайная археология каждого брака). Еще менее они могли вообразить себе, продолжая по дороге к кухне добродушно задирать друг друга, как два бывших армейских приятеля, что ужин, который они собирались съесть вместе и который так никогда и не был съеден, — их последнее совместное застолье, а слова, с которыми они обращались друг к другу, — последние слова их совместной жизни.

До катастрофы их отделяло несколько минут. И хотя с того дня Рахиль предпочла ни с кем не говорить о том, что произошло, отложив историю своего брака в потаенный уголок сознания, предав ее забвению, очень часто, после смерти мужа, во сне, когда она теряла контроль над призраками прошлого, она спрашивала себя, не началась ли вся эта история накануне вечером, во время ужина с Альбертацци, не тогда ли полетели первые брызги той грязевой лавины, которая впоследствии снесла все. И возможно, именно Альбертацци каким-то образом притянули, подобно магниту, все эти несчастья.

Не случайно именно с того дня и потом, и особенно после смерти Лео, Рахиль решила никогда больше не отвечать ни на телефонные звонки Риты, ни на напыщенные письма Флавио, полные корыстными и абсолютно неуместными предложениями помощи и дружбы. Рахиль как будто желала переложить на них вину за произошедшее. Столько времени неся на своих плечах всю ответственность за этот хрупкий (как и все счастливые браки) союз, теперь, когда его постигло столь жалкое завершение, Рахиль перешла

в наступление. Она видела в этой паре, бывшей друзьями ее мужу, но которую она в глубине души всегда ненавидела, если не виновников, то невыносимых свидетелей гротескного события, которое превратило ее спокойную жизнь на прекрасной вилле в Ольджате в борьбу за выживание.

Точно, парочка свидетелей.

Рита, которая сначала прилагала все усилия, чтобы ее муж порвал какие бы то ни было отношения с этим извращенцем Лео, после кончины последнего вдруг сделалась самым преданным и ярым хранителем его памяти. А Флавио даже перешеголял ее.

Парочка свидетелей, от которых лучше избавиться, со всеми доказательствами против и всеми мотивами преступления, о котором Рахиль больше не желала ничего слышать. Некоторых вещей трудно избежать, но лучше вспоминать о них много лет спустя. Но это уже совсем другая история.

Флавио Альбертацци сидел с Лео за одной партой все пять лет учебы в лицее. Он хорошо усвоил, что лучший способ избавиться от комплекса неполноценности, который внушали ему одноклассники, купавшиеся в роскоши, — это выставить напоказ свою бедность. Несдержанность, которая и тогда была одной из его самых неприятных черт, сейчас, когда благодаря упорству, ограничениям и выдающимся интеллектуальным способностям Флавио добился высокого социального статуса и внушительного счета в банке, стала почти невыносимым недостатком. Так, по крайней мере, считала Рахиль, предпочитавшая не выставлять, а скрывать свое положение, каким бы оно ни было.

Впервые Флавио появился в классе в коротких штанишках. Лео, одетый в синий костюм со складочками и ман-

жетами, посчитал себя вправе спросить его: “Почему ты до сих пор ходишь в коротких штанишках?” В ответ он получил риторический вопрос, который раз и навсегда закрывал дискуссию: “Почему бы тебе не заняться своими делами?”

Обмен репликами состоялся в начале пятидесятых годов, и все последующие десятилетия друзья с удовольствием его пересказывали. Этот случай всегда вызывал у Рахили недоумение: почему ее мужу так нравится глупая история прошлых лет? Ведь он выглядит маленьким несносным снобом, которого друг с легкостью ставит на место. Для Рахили это было одной из тех загадок мужской дружбы, с которой, подобно многим женам своего поколения, ей приходилось только мириться.

Возможно ли, что Рахиль видела то, чего не замечал Лео? Что, несмотря на все прошедшие годы, Флавио продолжал относиться к нему как к капризному сынку богатого папочки? Подобная наивность мужа приводила ее в отчаяние. Это отчаяние усиливалось тем, что Лео, вопреки очевидным фактам, сам себя считал самым проникательным и разочарованным человеком в мире. И именно в тех ситуациях, когда жене он казался самым наивным.

В свое время, надо сказать, Флавио легко поддался очарованию хорошими манерами своего друга. В первый раз, когда он ступил своими огромными запыленными башмаками на скрипучий паркет дома Понтекорво, он предпочел думать, что очарование его друга заключается вовсе не в мраморе, мебели из настоящего дерева и коврах этой квартиры, а скорее в томах, выставленных в книжном шкафу у входа. Изящество выражений Лео, легкость речи, которой Флавио так завидовал, были почерпнуты из этих залежей культуры, а не из того мира, где функциональность интерьера непре-

менно должна была сочетаться с двумя столь безнравственными понятиями, как красота и элегантность.

Несмотря на то что прошло уже столько лет, Флавио продолжал считать своей личной заслугой тот факт, что его друг наряду с медицинской карьерой возжелал посвятить себя научной деятельности, чего трудно было бы ожидать от этого красивого, избалованного и беззаботного мальчика.

“Просто невероятно, что тебя не испортило все то, что ты имел! — не уставал повторять Флавио с чувством удовлетворения. — Да еще в те времена, когда ни у кого ничего не было!” А Лео радовался одобрению того, кто, в сущности, никогда и не пытался стать кем-то иным, не тем, кем стал в этой жизни.

Со своей стороны Лео с моральным удовлетворением следил за тем, как Флавио, шестой, младший ребенок из многодетной семьи простого рабочего, завоевывал свое место под солнцем. Будучи одним из первых итальянцев, защитившихся по информационной инженерии (в те времена это называлось так), сейчас Флавио занимал должность уполномоченного представителя компании, которая занималась разработкой передовых технологий для Оливетти.

Флавио, несмотря на то, что был не менее страстным приверженцем научного прогресса, чем Лео, в отличие от последнего, считал итальянское общество тех лет безнадежно отсталым. Благосостояние. Вульгарность. Безделье. (Телевидение! Как же он ненавидел телевидение!) Он частенько повторял эти слова, с них всегда начинались его бесконечные споры с Лео. Еще одна вещь, которую ненавидел Флавио, — чемпионат мира по футболу, который Италия выиграла в Испании годом ранее. Тогда немцы были разбиты в пух и прах в славном финале на стадионе

“Сантьяго Бернабеу” в Мадриде. Флавио придавал символическое и вредоносное значение этому спортивному событию.

“Народ поддался иллюзии, что выиграть — самая важная вещь на свете. Это событие породило в людях дух соревнования и стремления к победе. Мы все стали немного американцами. Президент Республики, социалист, человек, который участвовал в Соппротивлении, рисковал собственной шкурой, борясь с нацизмом, теперь поднимает этот вульгарный золотой кубок.. Не слишком величественное зрелище! Но ничего удивительного, что мадридский финал стал одной из самых популярных программ в истории итальянского телевидения. Как видишь, *tout se tient!*”

Тут уж Лео, будучи не только ярким сторонником модернизации страны, но и футбольным фанатом, вынужден был защищать со шпагой наголо героев Мадрида и логику телевизионщиков. Знал бы он тогда, как ему это аукнется!

В отличие от Лео, Флавио никогда не повышал голоса. Он мог довести тебя до ручки спокойно, пускаясь в гладкие, как его довольное лицо, рассуждения. Верный принципам марксизма, он ничему не доверял и забрасывал собеседника риторическими вопросами. Но и у него имелось слабое место.

Жена, Рита. Ее он любил больше всей математики и политических идей, отличающихся внешним прагматизмом и идеалистичных по сути. Высокая худая женщина с вьющимися волосами, угловатая, всегда на грани нервного срыва. Ее невероятная худоба совсем не вязалась с ее прожорливостью. Тонкие сигареты, которые она постоянно вертела в руках, казались продолжением ее острых и костлявых пальцев. Иногда она напоминала скелет, окутанный

облаком сигаретного дыма. Иногда в лучах безжалостного неонового света кухни Понтекорво она вызывала в памяти одну из тех содержательниц притонов, которых писал Тулуз-Лотрек. Для Риты выйти замуж за Флавио было одной из самых рискованных выходов назло богатеньким родителям. И хотя она много лет не общалась со своей семьей — династией, владевшей огромными участками земли неподалеку от Рима и сделавшей на этом свое состояние, — казалось, она унаследовала от этих спекулянтов наглость и отсутствие такта. В отличие от мужа в своем вызывающем поведении она опиралась на предрассудки и стервозность. “Это все вагина! — думал иной раз Лео. — Вагина — самый капризный орган, созданный природой, которая к тому же наделила его даром речи”.

Возмущение Риты по поводу неравенства стало для нее предлогом говорить гадости в резкой и надменной манере. Она не знала границ. Возможно оттого, что ей пришлось бороться со своим семейством, она потеряла контроль над собой. Возможно, именно это семейство своим примером научило ее несдержанности. В свое время Рита не без пользы училась на филологическом факультете. И все еще безнаказанно хвасталась тем, что выступила против одного профессора, спесивого зануды и книжного червя, который навязывал студентам программу по Монтале, буржуазному, реакционному и упадническому поэту.

Рита вспоминала такие вещи с желчью и обидой, которые полностью поглощали ее.

Рахиль, не будучи большим специалистом по части социологии, в отличие от рассказчика сей истории полагала, что истинная причина боли, терзавшей костлявое тело Риты, заключалась в ее неспособности иметь детей.